

Борьба политических сил за общественное мнение в Царстве Польском в начале Первой мировой войны

Аннотация: В статье рассматривается идеологическая борьба различных польских политических партий и группировок, целью которой было завоевание симпатий населения Королевства Польского в начале Первой мировой войны. Основными источниками для исследования послужили материалы российских и польских архивов, в частности, жандармские донесения, агитационные листовки и доклады варшавскому генерал-губернатору, при этом часть использованных материалов впервые вводится в научный оборот. Особое внимание уделяется воспоминаниям лидеров наиболее влиятельной на территории Королевства Польского партии эндеков. Анализ документов показал различия в позициях пророссийски и проавстрийски настроенных партий и степень их влияния на общественное мнение в Привислинском крае. В частности, помимо очевидной для польских национал-демократов идеи полной поддержки России в войне, можно говорить о безуспешных попытках бойкота мобилизации на территории Королевства Польского и о не встретивших серьезного общественного одобрения призывах поддержать Центральные державы – Германию и Австро-Венгрию. При этом немаловажным является тот факт, что польские партии социалистического толка после начала войны в большинстве своем остались на прежних позициях, высказавшись против выступления за какую-либо из сторон конфликта.

Annotation: The article examines the ideological struggle of the Polish political parties and groups aimed at winning over public opinion in the Kingdom of Poland at the beginning of World War I. The main sources for this research are Russian and Polish archives, including police reports, political agitation pamphlets and reports to the Governor General of Warsaw – some of the material is being used in scientific research for the first time. Particular attention is given to the memoirs of the leaders of the National-Democratic party, the most influential on the territory of the Kingdom of Poland. The document analysis showed the differing positions of the pro-Russian and pro-Austrian parties and the degree of their influence on the public opinion in the Privilinsky Krai. In particular, besides the obvious idea for the Polish National-Democrats of fully supporting Russia in the war, there were futile attempts to boycott the military mobilization on the territory of the Kingdom of Poland and unresponded calls to the population to support the Central powers – Germany and Austria-Hungary. Moreover, it is significant that after the beginning of the war most of the socialist-leaning Polish parties remained in their previous political positions, standing against supporting any of the sides of the conflict.

Ключевые слова: эндеки, печать, агитация, Первая мировая война, Привислинский край, Царство (Королевство) Польское, история, Пилсудский, жандармы, донесения.

Key Words: National-Democratic party, press, political agitation, World War I, Privilinsky Krai, Kingdom (Tsardom) of Poland, history, Pilsudski, police, reports.

После создания Царства (Королевства) Польского и включения его в 1815 г. «на вечные времена» в состав Российской империи на польских территориях возникает антироссийская оппозиция. Поляки пытались освободиться из-под власти России в ходе открытых восстаний (1830–1831 и 1863–1864 гг.), однако ни одно из них не увенчалось успехом. Вследствие этого на территории Царства Польского, которое после подавления восстания 1863–1864 гг. все чаще называли Привислинским краем, на фоне

политики русификации усилилась подпольная агитационная и диверсионная деятельность поляков, в конечном счете направленная на достижение независимости. Однако помимо борцов за независимость Польши существовали и сторонники сотрудничества польского народа с российскими властями – по их мнению, достичь независимости или, по крайней мере, объединения польских земель, находящихся на тот момент в составе Австро-Венгрии, России и Германии, можно было только вместе с Российской империей.

С началом Первой мировой войны борьба за политическую ориентацию населения Царства Польского вступила в новую, более острую фазу. Это было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, территория разделенной Польши была важнейшим театром военных действий на Восточном фронте и объектом захватнических планов и стран Антанты, и Тройственного союза, что вызвало значительное усиление пропаганды с обеих сторон. Во-вторых, для политических партий воюющих стран было очевидно, что любой исход войны приведет к кардинальному переустройству международной политической системы в Европе, в частности и в том, что касалось польского вопроса, поэтому для них также приобретало особое значение привлечение польского населения на свою сторону. Наконец, с точки зрения польского общества, завершение войны открывало перспективу обретения независимости и восстановления польской государственности, что также было неразрывно связано с пропагандистскими усилиями сторонников независимости Польши по расширению социальной базы национально-освободительного движения.

Научная значимость поставленной проблемы была отмечена в историографии. Однако в трудах советских исследователей и российских ученых, начиная с середины 1980-х гг., главное внимание было уделено позиции правящих кругов и политических партий воюющих стран по отношению к войне и к польскому вопросу. Причем для советских историков центральное место занимала проблема взаимодействия большевиков и леворадикальных сил Польши в борьбе за «превращение империалистической войны в гражданскую». Для современной российской историографии наиболее характерен интерес к польской политике царских властей и отношению к ней российских и польских либеральных партий. Подобный подход использован, к примеру, в недавно вышедшем издании «Польша в XX веке. Очерки политической истории»¹. Вопрос агитации на территории Королевства Польского также затрагивается в книге Г. Ф. Матвеева «Пилсудский»², в которой автор, в частности, уделяет внимание агитации в связи с борьбой польских легионов, сражавшихся на стороне Австро-Венгрии, на территории Царства Польского.

В польской историографии проблема пропагандистского противоборства за симпатии польского населения в годы Первой мировой войны исследуется преимущественно с точки зрения освещения подхода различных политических группировок в лагере польского национального движения к выработке стратегии и тактики разрешения польского вопроса и завоевания независимости. Позиция польской буржуазии достаточно подробно отображена в монографии Ф. Фиговой³. При этом автор рассматривает взгляды не только жителей Царства Польского, но и поляков на территориях, находившихся под контролем Центральных держав – Германии и Австро-Венгрии. Тактику Польской Социалистической партии (ППС – *Polska Partia Socjalistyczna*) и все вопросы, связанные, в том числе, с проавстрийской пропагандой сторонников Юзефа Пилсудского, исследовал в фундаментальной монографии Х. Яблоньский⁴. Однако, подробно рассмотрев агитационную практику польских легионов, автор не ставит вопрос об эффективности пропаганды ППС, хотя участники тех событий и современники высказывали по этому поводу нередко прямо противоположные мнения. Взаимоотношения сторонников Юзефа Пилсудского и Романа Дмовского («пилсудчиков» и «эндеков») во время Первой мировой войны и в предвоенный период подробно отражены в работе Яна Моленды⁵, а деятельность и взгляды польских либералов – в монографии Т. Стегнера⁶, хронологически ограниченной оккупацией немцами и австро-венгерскими войсками территории Королевства Польского в середине 1915 г. Политике царского правительства в отношении Царства Польского в первый год мировой войны посвящена монография А. Ахматовича⁷, однако автор не уделил в ней существенного внимания ни пропагандистскому противоборству политических сил, стремившихся привлечь на свою сторону польское население, ни оценке масштабов и результативности их агитационной деятельности.

³ Figowa F. *Polskie stronnictwa burżuazyjne Galicji, Śląska Tieszyńskiego i Królestwa Polskiego w pierwszej wojnie światowej*. Sierp. 1914 – sierp. 1915. Katowice, 1962.

⁴ Jabłoński H. *Polityka polskiej partii socjalistycznej w czasie wojny 1914–1918 r.* Warszawa, 1958.

⁵ Molenda J. *Piłsudczycy a narodowi demokraci 1908–1918*. Warszawa, 1980.

⁶ Stegner T. *Liberałowie Królestwa Polskiego 1904–1915*. Gdańsk, 1990.

⁷ Achmatowicz A. *Polityka Rosji w kwestji polskiej w pierwszym roku Wielkiej wojny 1914 – 1915*. Warszawa, 2003.

¹ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

² Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008.

Таким образом, в сформированной до настоящего времени историографии практическая деятельность политических партий и других общественных сил в Царстве Польском по реализации выработанной стратегии в первые годы войны, вплоть до революционного кризиса 1917 г., все же изучены явно недостаточно. Как в польской, так и в российской историографии остались по существу неисследованными сама развернувшаяся борьба за умы и сердца польского населения, весь спектр организаторов и участников пропагандистского противостояния и степень воздействия агитации на различные слои и группы польского общества.

Основной задачей данной статьи является рассмотрение этого вопроса на основе как содержащихся в историографии наблюдений и выводов, так и вновь привлекаемых источников. Немаловажными в данной работе являются материалы из польских архивов: 1) документы канцелярии варшавского генерал-губернатора⁸ и 2) Варшавского губернского жандармского управления⁹. Среди этих документов наиболее значимы донесения жандармов и агентов тайной полиции, доклады руководства ведомств, а также содержащиеся в указанных фондах коллекции агитационной литературы и других пропагандистских материалов. Также важными являются донесения российской армейской разведки¹⁰. В качестве ценного исторического источника следует назвать воспоминания польских политиков и современников событий. Значение этого источника обусловлено, во-первых, большим количеством относящейся к исследуемому периоду мемуарной литературы, что позволяет сопоставить имеющиеся в воспоминаниях свидетельства. Во-вторых, сами эти свидетельства отражают степень и характер воздействия на общество политической агитации. Разумеется, в работе с мемуарными источниками следует учитывать их субъективный характер и воздействие на их авторов телеологических тенденций, когда последующие события модифицируют в сознании мемуариста восприятие и осмысление описываемых событий.

* * *

Разразившаяся мировая война и начавшиеся боевые действия на фронтах привели к дальнейшему усилению националистической и

шовинистической пропаганды со стороны обеих противостоящих коалиций. Для населения Царства Польского уже в первые дни войны, в условиях успешно начавшегося русского наступления в Восточной Пруссии и с энтузиазмом развернувшейся мобилизации в России, одним из самых важных, можно сказать, знаковых документов стала Декларация, провозглашенная 27 июля (8 августа) 1914 г. от имени польской фракции в Государственной думе депутатом Виктором Яронским. В ней были выражены все основные постулаты польских национальных демократов, а именно: воссоединение всех польских земель и готовность ради этого присоединиться к борьбе против общего врага славянства – Германии, забыв о разногласиях между русскими и поляками¹¹.

По мнению современников, эта декларация отразила настроения и чаяния, определявшие позицию подавляющего большинства польского общества в течение первого года войны. Лидер эндеков Роман Дмовский вспоминал, что, возвращаясь в страну после объявления войны, он прочитал декларацию Яронского. Тот, по его мнению, изложил все то, что следовало сказать в данный момент от имени эндеков. Дмовский подчеркивал, что Яронский объявил о стремлении национал-демократов объединить польские земли, поставил цель решить польский вопрос после войны, причем подчеркнутая в декларации лояльность населения Царства Польского России выбивала оружие из рук противников войны, германофилов¹².

Ответом на эту декларацию стало воззвание Верховного главнокомандующего российских войск великого князя Николая Николаевича, опубликованное 1 (14) августа 1914 г. Это был первый документ, созданный в российских властных кругах, в котором речь шла о возможности предоставления в будущем населению Царства Польского более широких прав в составе Российской империи. В числе целей, которые преследовали авторы воззвания, было, во-первых, стремление заручиться поддержкой населения Царства Польского в войне, которая, как предполагалось, не будет легкой, избежать трудностей при наборе поляков в русскую армию. Во-вторых, с его помощью намеревались

⁸ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Z. 247.

⁹ Archiwum Państwowe miasta Warszawa (AP mst W). Z. 1160.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1.

¹¹ Seyda M. Polska na przełomie dyjeów. Fakty i dokumenty od wybuchu wojny do zbrojnego wystąpienia stanów zjednoczonych. Poznań; Warszawa, 1927. S. 534.

¹² Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1988. S. 150, 155.

предотвратить возможное восстание поляков, угроза которого постоянно держала в напряжении царский режим. В-третьих, в воззвании звучало обещание объединить после победы русского оружия польские земли трех империй в единое целое. Выдвигая лозунг объединения под скипетром Романовых всех польских земель, русское правительство не только публично провозглашало то, что раньше вынашивалось в тайне, но и тем самым делало реверанс в адрес национальных демократов, указывая на совпадение собственных империалистических замыслов с политической программой эндеков. По свидетельству их политического противника, известного польского политика, представителя Польской социалистической партии Игнация Дашиньского, там, где эндеки властвовали безраздельно, т. е. в Варшаве, общество принимало каждое обещание русских генералов за откровение¹³.

Однако в различных социальных слоях польского общества реакция на декларацию Яронского и на ответное воззвание главнокомандующего была неодинакова. Так, польская буржуазия в целом и либеральные партии с одобрением отнеслись к декларации Яронского, но при этом они вначале, скорее, придерживались нейтральной позиции¹⁴. Однако после провозглашения манифеста Николая Николаевича ситуация изменилась, и они присоединились к эндекам и «реалистам»¹⁵ (представителям землевладельческих кругов и крупного капитала, уже со времени Первой российской революции выступавших за сотрудничество с царизмом). Партии же социалистического толка не придали воззванию особого значения.

С самого начала мировой войны польская пресса заняла в целом пророссийскую позицию, не проявляя при этом, как подчеркивают польские историки, какой-либо «сервильности» в отношении России¹⁶. Даже эндеки избегали излишне верноподданнических заявлений и не предлагали конкретной программы действий. Публикации в печати свидетельствовали об отсутствии выраженной редакционной линии и настраивали польское население лишь сохранять спокойствие.

Тональность польской печати изменилась после введения 7 августа военной цензуры¹⁷, когда вся пресса Царства Польского стала демонстрировать исключительную враждебность Германии¹⁸. Каждая газета должна была публиковать официальные заявления Петроградского телеграфного агентства, а также материалы официальной российской прессы. Печать старалась всячески подчеркивать успехи русской армии и войск Антанты и при этом преуменьшать успехи войск Центральных держав или вовсе умалчивать о них¹⁹. Периодика Царства Польского свободно могла помещать лишь сообщения, возбуждавшие ненависть к врагу, в духе корреспонденций, освещавших зверства немцев в Калише, что увеличивало популярность «грюнвальдского» лозунга в воззвании Николая Николаевича²⁰, которым провозглашалась «вера России, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде».

Калишская трагедия произошла в начале августа 1914 г., когда к этому городу на западе Царства Польского подошли германские войска. Несмотря на то, что в Калише оставались только мирные жители, немцы, окружив город, подвергли его бомбардировке тяжелой артиллерией и фактически стерли с лица земли. Жителей уничтожали пулеметным огнем. Все это сопровождалось грабежами, поджогами и взятием заложников. В донесении варшавского генерал-губернатора об общественных настроениях в связи с событиями в Калише отмечалось, что население Царства Польского, «проявлявшее со времени объявления мобилизации вполне лояльное отношение к России и русской армии», по получении известий о зверствах германских войск в Калише прониклось еще большей ненавистью к немцам и «стремлением нанести дружными усилиями всех славян решительный удар их вековечному врагу»²¹.

В данном случае оценка царской администрации находила полное подтверждение в свидетельствах современников. Разумеется, общественная реакция такого рода активно подогревалась усилиями как официозной печати, так и антигермански настроенных средств массовой

¹³ Daszyński I. Pamiętniki. Warszawa, 1957. S. 190.

¹⁴ Figowa F. Op. cit. S. 103.

¹⁵ Stegner T. Op. cit. S. 200.

¹⁶ Myśliński J. Początek I wojny światowej w świetle prasy polskiej w zaborze rosyjskim // Dzieje najnowsze. 2004. № 3. S. 41.

¹⁷ Ibid. S. 36.

¹⁸ Figowa F. Op. cit. S. 98.

¹⁹ Dunin-Ławowicz K. Warszawa w 1914 roku // Dzieje najnowsze. 2004. №3. S. 59.

²⁰ Na przełomie. Szkic dziejów polskiej myśli politycznej 1914–1915. Piotrków, 1916. S. 25.

²¹ AGAD. Z. 247. Sygn. 1471. S. 314.

информации национальных демократов и других политических сил. Примечательно, что даже в тех группах населения, которые сочувствовали Германии и Австрии, калишская трагедия вызвала резко негативную реакцию. В том же донесении говорилось, что «в последние дни даже среди той части евреев, которая симпатизировала первоначально немцам, произошла перемена настроения, когда евреи узнали, что в Калише немцы не щадили и их единоплеменников»²².

Безусловно, настроения в Царстве Польском не были исключительно пророссийскими. Еще до начала войны органы полиции и жандармерии активно собирали информацию о настроениях поляков и о том, как население Царства Польского намерено повести себя в случае войны с Австро-Венгрией. Полученные сведения (в том числе и агентурные) были достаточно противоречивыми. С одной стороны, местные органы департамента полиции регулярно сообщали в Петербург о том, что информация об австрийской пропаганде на территории «русской Польши» не нашла подтверждения. С другой стороны, было немало настораживающих сигналов²³. Британский консул в Варшаве Генри Монтгомери Грив отмечал, что перед началом войны местные чиновники из числа русских увозили своих жен и детей из Царства Польского, боясь, что поляки могут их убить, и делили все, чтобы обезопасить самые ценные вещи²⁴.

С началом войны резко активизировалась агитационная деятельность не только партии национал-демократов, но и партий иной политической ориентации. Уже с начала августа 1914 г. на фабриках и заводах распространялись прокламации Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (*далее* – СДКПиЛ) и еврейской социалистической партии «Бунд», призывавшие к всеобщей забастовке, организации демонстраций и к борьбе с правительством. Также власти отмечали, что в первые дни войны настроение рабочих было «весьма нервным»²⁵.

28 июля (10 августа) 1914 г. находившийся под влиянием Юзефа Пилсудского и ППС Крестьянский союз издал прокламацию с призывом к борьбе против России. В ней Россия называлась единственным врагом поляков, а Германия и Австро-Венгрия – «врагами России». В от-

личие от пропаганды эндеков, в прокламации Крестьянского союза говорилось, что борются не Россия с Германией, а одни убийцы против других. Союз призывал к саботажу на российских объектах, к выведению из строя железных дорог, мостов и т.п., т.е. к активной борьбе с Россией. При этом ни слова не было сказано об отношении к Центральным державам²⁶.

В другой прокламации, вышедшей 15 (28) августа 1914 г. от имени ряда политических партий и организаций, претендовавших на т.н. «независимую» позицию, в частности, находившихся под влиянием Ю. Пилсудского, содержался призыв покончить с надеждами, как на Россию, так и на Германию, и был выдвинут лозунг «Прочь москали и русофилы, прочь прусаки и прусофилы». При этом авторы обращались, прежде всего, к патриотически настроенной интеллигенции. Единственным путем, по мнению «независимовцев», был союз с Австрией²⁷. Распространялись также прокламации от организации «Национальная независимость», призывавшие к противодействию проведению мобилизации и к участию в восстании для борьбы за независимость Польши²⁸.

Проавстрийская и пророссийская ориентация не исчерпывали собой всех политических направлений. Война могла закончиться победой одной из двух противоборствующих сторон, но – как допускали революционеры – она могла также перерасти во всеобщую революцию и разрушить существующее политическое устройство европейских государств. Таких взглядов на польских землях придерживались две политические партии – СДКПиЛ и ППС-левица. В резолюции группы руководителей этих партий по вопросу поведения рабочего класса в условиях войны, принятой 4 (17) августа 1914 г. в Кракове, говорилось, что рабочий класс Царства Польского не может и не должен становиться в этой войне на сторону какой-либо из воюющих держав²⁹.

Однако в условиях военного положения и угрозы вражеского вторжения, а также милитаризации жизни и раздуваемых властями шовинистических настроений, во всех трех частях разделенной Польши любая антивоенная агитация была затруднена. К тому же большинство руководителей партий, стоявших на антивоенных

²² Ibid.

²³ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи. М., 2004. С. 22.

²⁴ Achmatowicz A. Op. cit. S. 172.

²⁵ AGAD. Z. 247. Sygn. 1471. S. 293.

²⁶ Figowa F. Op. cit. S. 112.

²⁷ Ibid. S. 113.

²⁸ AGAD. Z. 247. Sygn. 1471. S. 294.

²⁹ Odbudowa i rozwój państwowości polskiej w świetle dokumentów 1908–1921. Gliwice, 1993. S. 62.

позициях, находились или в ссылке, или за границей и были отделены от территории своей деятельности линиями фронтов. В начале августа 1914 г. СДКПиЛ, ППС-левица и «Бунд» создали в Варшаве орган, координировавший антивоенную агитацию – Межпартийный рабочий совет. Подобные советы возникли и в других городах Царства Польского. Эти партии придерживались как антиавстрийской, так и антироссийской ориентации. В своей работе они использовали традиционные для социалистической партии методы политической агитации, в основе которых лежал принцип поэтапного перехода от повседневных экономических требований к политическим. Но в первый год войны условия для революционных лозунгов были не самыми подходящими, и представители данных партий это понимали, а потому выступали за улучшение бытовых условий рабочего класса, даже несмотря на условия войны, организовывали дешевые кухни для рабочих и т.п. Революционных призывов было крайне мало по сравнению с последующим периодом войны³⁰, когда социально-политическая ситуация во всех воюющих странах существенно обострилась.

Накануне и в первый год мировой войны Польская социалистическая партия – революционная фракция, Польская социалистическая партия–левица и СДКПиЛ были наиболее сильными партиями, действовавшими в рабочей среде. Но организация ППС–фракции в Царстве Польском подверглась в предвоенные годы полицейским репрессиям и была крайне ослаблена. Это создавало более благоприятные условия для деятельности ее идеологических оппонентов в социалистическом движении³¹. В первой половине 1914 г. они вели напряженную работу, главным образом в промышленных пригородах Варшавы, где сосредоточено значительное число заводов и фабрик. Однако ППС–левица к середине 1914 г., вследствие репрессий, также понесла существенный урон в Варшаве, были арестованы трое ее главных агитаторов, которые вели организационную работу и связывались с границей³².

Со времени начала боевых действий роль и значение революционных партий в Царстве Польском, как, собственно, и в Российской империи в целом существенно снизились, рабочие

старались уклоняться от партийного влияния³³. Начальник жандармского управления Груецкого и Блонского уездов отмечал 1 (14) апреля 1915 г., что, благодаря повышенному патриотическому духу населения, все социалистические ячейки, существовавшие на фабриках, полностью исчезли и не появлялось никаких воззваний и прокламаций революционного содержания³⁴.

Многие тысячи экземпляров нелегальной агитационной литературы, распространявшейся партиями, провозгласившими идею борьбы за независимость Польши, отнюдь не свидетельствовали о силе этих партий на территории Царства Польского. В тот момент они не могли рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны польского общества³⁵. Именно так оценил ситуацию один из представителей эндеков Зигмунд Балицкий, выступая 3 (16) августа 1914 г. на межпартийном совещании в Кракове. Он заявил, что борьба польского народа с оружием в руках навязана обществу горсткой оторванных от страны революционеров-эмигрантов, которые покинули территорию Царства Польского после революции 1905 г.³⁶

Царская администрация Привислинского края с удовлетворением подчеркивала, что к числу реальных результатов изменения настроений в русской Польше можно отнести успешную борьбу с «социально-анархической агитацией», что попытки агитаторов возбудить недовольство среди фабричных рабочих, потерявших из-за войны работу, отговорить их от принятия материальной помощи от Гражданского комитета, агитация против выезда рабочих в села на полевые работы не привели ни к каким результатам, благодаря влиянию интеллигенции и сплочению интересов государственных с национально-польскими³⁷.

В воззваниях антироссийски настроенных партий и организаций весьма животрепещущей являлась тема призыва в действующую армию. Еще в октябре 1914 г. распространялись прокламации, в которых подлежавших мобилизации «запасных» агитировали, чтобы они не являлись на призывные пункты, поскольку полиция якобы не сможет их мобилизовать, если они не явятся добровольно³⁸. Однако, если судить по

³⁰ Buszko J. Historia Polski 1864–1948. Warszawa, 1989. S. 195.

³¹ Figowa F. Op.cit. S. 115.

³² APmstW. Z. 1160. Sygn. 4657. S. 30.

³³ APmstW. Z. 1160. Sygn. 657. S. 33.

³⁴ Ibid. S. 37–38.

³⁵ Molenda J. Piśsudzczy a narodowi demokraci... S. 189.

³⁶ Ibid. S. 201.

³⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 524. Л. 14.

³⁸ AGAD. Z. 247. Sygn. 1471. S. 396.

успешно проведенному призыву и потоку добровольцев в ряды царской армии, можно говорить о полной неудаче антивоенной агитации и на этом направлении.

Если верить рапортам, адресованным варшавскому генерал-губернатору, многочисленные прокламации (как, например, прокламация, выпущенная 21 июля (4 августа) Национальным рабочим союзом, Национальным крестьянским союзом и Союзом независимости, призывавшая не поддерживать Россию в борьбе с Германией, к устройству демонстраций и всеобщей забастовке – равно как и предшествующие ей, подписанные местными комитетами Социал-демократии Царства Польского и Литвы, Польской социалистической партии и «Бунда») в целом не оказали влияния на население³⁹.

В начале войны довольно широкое распространение получили прокламации, издававшиеся к памятным для поляков датам. 15 (28) ноября появилось воззвание, призывавшее устроить на следующий день манифестации по случаю годовщины начала польского восстания 1830 г. Манифестации эти не состоялись, если не считать попыток некоторых прихожан во время мессы в костеле Св. Креста и Св. Александра в Варшаве пропеть патриотическую песню-гимн «*Boże, coś Polskę*», к чему большинство молящихся отнеслось отрицательно. В полицейском рапорте отмечалось, что духовенство прекратило пение, приказав органистам играть молитвы, «заглушая этой музыкой жидкое пение». При этом полицейей было задержано всего 20 человек⁴⁰.

В то же время отмечались чаще пророссийские спонтанные акции в местах большого скопления людей. Так, к примеру, в докладной записке варшавскому генерал-губернатору 25 августа (7 сентября) 1914 г. отмечалось, что накануне в Большом театре в Варшаве, по окончании благотворительного концерта в пользу раненых, устроенного артистами хора и оркестра варшавских «правительственных» (императорских) театров, «публика единодушно потребовала исполнения гимна». «При исполнении русского народного гимна на русском языке публика с большим энтузиазмом многократно требовала повторений», – отмечалось в донесении⁴¹.

Значительная часть агитационной литературы, распространявшейся в Царстве Поль-

ском, была привезена из-за границы. Но еще больше было издано на территории собственно Привислинского края. Так, помощник прокурора варшавской судебной палаты отмечал в докладной записке, что сведения о распространении в Варшаве после начала военных действий ряда изданий, направленных против России, соответствуют действительности. Первым по времени из нелегальных бесцензурных изданий получил распространение в Варшаве первый номер «Военных известий». Это издание предназначалось для сообщения польскому населению сведений об «истинных событиях войны», так как, по мнению издателей листка, телеграммы русских военных властей об успехах русского оружия якобы не отвечают реальному положению дел⁴². В конце октября 1914 г. в Варшаве был распространен еще один журнал под названием «Свободный голос». Заявленной целью его анонимных издателей было разъяснение полякам, как они должны держать себя по отношению к воюющим сторонам. При этом, указав, что полякам надлежит думать только о «свободе и независимости», журнал советовал польскому населению сохранять во время войны строжайший нейтралитет⁴³.

Точных данных о месте издания этих публикаций не имелось. Агенты же, доставлявшие на территорию Царства Польского некоторые журналы и воззвания, указывали, что местом их издания является Краков. Примечательно, что когда русские войска приблизились к Кракову, подобная литература в Варшаве действительно перестала появляться. Все упомянутые журналы и воззвания не представляли собой чего-либо нового, вызванного исключительно войной. Согласно оценке российских военных властей, они являлись продолжением той «подрывной деятельности», которую на протяжении долгих лет вели в губерниях Царства Польского нелегальные организации, ставившие целью восставление независимости Польши⁴⁴.

В начале 1915 г., после ряда поражений русских войск и развернувшегося в дальнейшем германского наступления, политическая ситуация в Царстве Польском претерпела существенные изменения. В Варшаве наблюдалось усиление антирусской агитации⁴⁵. В служебной

³⁹ Ibid. S. 301.

⁴⁰ Ibid. S. 456.

⁴¹ Ibid. S. 348.

⁴² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 557. Л. 58.

⁴³ Там же. Л. 58об.

⁴⁴ Там же. Л. 60об. – Л. 61.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 810. Л. 349.

записке с анализом агентурных сведений, представленной начальнику Варшавского губернского жандармского управления 3 (16) августа 1915 г., говорилось, что настроение в польском обществе, особенно в Варшаве, по отношению к России подвергалось сильным колебаниям в течение первой половины 1915 г. Отмечалось, что каждый успех немцев, сопровождавшийся оккупацией новых территорий, удручающе влиял на поляков. А вот вступление в войну Италии на стороне Антанты подняло дух поляков, ни на минуту не сомневавшихся, что неудачи – это лишь временные эпизоды, что летом произойдут решительные бои на обоих фронтах, тем более что Франция и Англия пообещали начать энергичное наступление в конце мая. Когда же судьба решила иначе, и немецкие войска, заняв 22 июля (4 августа) 1915 г. Варшаву, переправились через Сан и вступили в пределы Люблинской губернии, настроение среди польского населения стало меняться в обратную сторону. На почве общего пессимизма и неверия в силу русского оружия началась усиленная работа агитаторов прогерманской и проавстрийской ориентации, прежде не находивших достаточной опоры⁴⁶.

* * *

Спектр общественных настроений среди населения Царства Польского в первый год мировой войны был обусловлен рядом существенных факторов. Наиболее значительным из них был патриотический подъем под лозунгом «защиты Отечества», поддержанный надеждами национальных демократов и обещаниями царских властей об объединении всех польских земель и предоставлении им автономии в составе Российской империи. Сохраняли свои позиции и настроения, продиктованные социально-классовыми позициями, что было характерно, прежде всего, в лагере рабочего и крестьянского

движений, а также в мелкобуржуазной среде. Однако эти тенденции в общественном мнении постепенно ослабевали в обстановке военного противостояния и все углубляющейся мобилизации сил, средств и ресурсов страны и ее влияния на все стороны общественной жизни, как Царства Польского, так и России, а также репрессий и разгрома антивоенных партийных организаций. Сохраняла в Польше свою актуальность идеология завоевания национальной независимости. Примечательно, что основной базой и источником этих настроений являлась Галиция, находившаяся в составе Австро-Венгрии.

Помимо идеи полной поддержки России в войне существовали в Царстве Польском и другие настроения. Партии социалистического толка после начала войны в большинстве своем остались на прежних позициях и выступали против поддержки какой-либо из сторон конфликта. Активно велась пропаганда, призывавшая к бойкоту мобилизации в Царстве Польском, неподчинению российским властям, поддержке германских и австрийских войск. Такого рода агитация исходила как от Центральных держав, так и от местных политических сил анти-русской направленности. Однако подобная агитация оставалась, пожалуй, единственным реальным способом заявить о наличии антивоенных настроений в целом, как революционной, так и пацифистской направленности. При этом антивоенные устремления, проявлявшиеся на стихийном уровне в среде рабочих и крестьян и как сознательная политическая позиция в общественных верхах и в среде польской интеллигенции, как правило, сочетались с анти-русскими настроениями. Однако наличие в общественном сознании Царства Польского отмеченной тенденции, как показала практика, в 1914–1915 гг. мало способствовало успеху анти-русской агитации среди польского населения и не привело к укреплению позиций политических сил, враждебных России.

⁴⁶ Там же. Л. 408.

Библиография:

1. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи. М., 2004.
2. Achmatowicz A. Polityka Rosji w kwestji polskiej w pierwszym roku Wielkiej wojny 1914 – 1915. Warszawa, 2003.
3. Buszko J. Historia Polski 1864–1948. Warszawa, 1989.
4. Daszyński I. Pamiętniki. Warszawa, 1957.
5. Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1988.
6. Dunin-Wąsowicz K. Warszawa w 1914 roku // Dzieje najnowsze. 2004. № 3.
7. Figowa F. Polskie stronnictwa burżuazyjne Galicji, śląska tieszyńskiego i Królestwa Polskiego w pierwszej wojnie światowej. Sierp.1914 – sierp.1915. Katowice, 1962.

8. Molenda J. Piłsudczycy a narodowi demokraci 1908–1918. Warszawa, 1980.
9. Myśliński J. Początek I wojny światowej w świetle prasy polskiej w zaborze rosyjskim // Dzieje najnowsze. 2004. № 3.
10. Na przełomie. Szkic dziejów polskiej myśli politycznej 1914–1915. Piotrków, 1916.
11. Odbudowa i rozwój państwowości polskiej w świetle dokumentów 1908–1921. Gliwice, 1993.
12. Seyda M. Polska na przełomie dyiejów. Fakty i dokumenty od wybuchu wojny do zbrojnego wystąpienia stanów zjednoczonych. Poznań;Warszawa, 1927.
13. Stegner T. Liberałowie Królestwa Polskiego 1904–1915. Gdańsk, 1990

References (transliterated):

1. Bakhturina A. Yu. Okrainy Rossiiskoi imperii. M., 2004.
2. Achmatowicz A. Polityka Rosji w kwestji polskiej w pierwszym roku Wielkiej wojny 1914 – 1915. Warszawa, 2003.
3. Buszko J. Historia Polski 1864–1948. Warszawa, 1989.
4. Daszyński I. Pamiętniki. Warszawa, 1957.
5. Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1988.
6. Dunin-Wąsowicz K. Warszawa w 1914 roku // Dzieje najnowsze. 2004. № 3.
7. Figowa F. Polskie stronnictwa burżuazyjne Galicji, śląska tieszyńskiego i Królestwa Polskiego w pierwszej wojnie światowej. Sierp.1914 – sierp.1915. Katowice, 1962.
8. Molenda J. Piłsudczycy a narodowi demokraci 1908–1918. Warszawa, 1980.
9. Myśliński J. Początek I wojny światowej w świetle prasy polskiej w zaborze rosyjskim // Dzieje najnowsze. 2004. № 3.
10. Na przełomie. Szkic dziejów polskiej myśli politycznej 1914–1915. Piotrków, 1916.
11. Odbudowa i rozwój państwowości polskiej w świetle dokumentów 1908–1921. Gliwice, 1993.
12. Seyda M. Polska na przełomie dyiejów. Fakty i dokumenty od wybuchu wojny do zbrojnego wystąpienia stanów zjednoczonych. Poznań;Warszawa, 1927.
13. Stegner T. Liberałowie Królestwa Polskiego 1904–1915. Gdańsk, 1990